

Во Дворце Горячих Источников стоял жар, как в огромной пароварке.

Густой белый пар казался настолько плотным, что его можно было резать ножом; он оседал на резных колоннах и стекал по стенам из белого нефрита. Огромный бассейн был выдолблен из цельного куска теплого белого камня. Вода в нем была кристально чистой, а со дна то и дело поднимались крошечные пузырьки — достигая поверхности, они с легким звуком лопались, пуская по воде едва заметную рябь.

Взгляд Ци Цинцы с трудом пробился сквозь слои густого тумана и наконец остановился на фигуре в центре бассейна.

Янь Бэйсюань сидел к нему спиной. Он прислонился к каменному выступу, обнаженный до пояса. Его широкие плечи и рельефные мышцы спины уходили под воду, образуя плавные, мощные линии. Иссиня-черные волосы, пропитанные паром, липли к шее и плечам, а с кончиков прядей одна за другой срывались капли, беззвучно разбиваясь о зеркальную гладь воды.

У Ци Цинцы пересохло в горле, словно он набрал в рот сухого песка. Он тихо сглотнул, чувствуя, как внутри все жжет от боли. Сердце тяжело билось о грудную клетку, отдаваясь в ушах глухими ударами, подобно барабанной дробе.

Вот черт... эта спина... Разве может человек обладать таким телосложением? Если бы он появился на подиум в наше время, разве нашлось бы там место для других моделей? Нет, о чем я думаю! Это же тиран! Извращенец, который хочет сорвать с меня одежду! Очнись, Ци Цинцы! Этот император-пес разделся догола только для того, чтобы устроить мне проверку на прочность!

Янь Бэйсюань, казалось, почувствовал, как замерли его шаги. Или же услышал громогласный крик в его душе. Не оборачиваясь, он произнес фразу, голос его прозвучал в тяжелом влажном воздухе глухо и немного искаженно:

— Пришел?

— ...Ваш подданный приветствует Ваше Величество. — Ци Цинцы резко поклонился, уставившись в выложенный камнем пол, который от пара стал скользким и влажным. Он не смел даже мельком взглянуть в сторону Янь Бэйсюаня.

В мыслях он лихорадочно повторял: Нельзя смотреть! Мужчинам не пристало так себя вести!

Смешок, полный насмешки, донесся сквозь водяную дымку:

— Я вызвал тебя, чтобы ты расслабился, а не для того, чтобы ты упражнялся в придворном этикете.

Он сделал паузу, и два следующих слова прозвучали как окончательный приговор:

— Раздевайся. Заходи.

Услышав это, Ци Цинцы почувствовал, как загорелись уши. Он не был тем человеком, который изначально жил в этом мире, но десятилетие жизни здесь четко дало ему понять: что значит для Шуаньэр раздеться перед другим мужчиной.

Началось. То, чего он так боялся, все же произошло.

Невидимая рука сжала его сердце, с каждым мгновением сдавливая все сильнее. Прислушиваясь к бешеному стуку в груди, он заставил себя успокоиться, хотя пальцы онемели и дрожали, неуклюже распуская пояс.

Верхняя одежда, нижняя... Звук трущейся ткани в тишине дворца казался оглушительным. Его тело, привыкшее к постоянным тренировкам, после тяжелой болезни заметно исхудало, и холодная, бледная кожа в клубах жара выглядела как кусок холодного нефрита.

В тот миг, когда он сбросил последнюю исподнюю рубаху, взгляд его невольно метнулся к спине Янь Бэйсюаня.

Сейчас!

Видя, что тот по-прежнему не шевелится, Ци Цинцы рванулся с быстротой молнии! Он выхватил спрятанный за поясом Талисман Тысячеликого Тумана и со всей силы прижал его к груди.

Бумага коснулась кожи, не причинив боли, и тут же превратилась в холодный поток, который мгновенно впитался в тело. Не теряя ни секунды, Ци Цинцы шагнул в воду и погрузился в теплый бассейн.

Вода окутала его, прогоняя холод, оставшийся после пребывания в коридорах дворца, но не в силах согреть его изнутри — там все еще леденил страх. И в тот момент, когда он скрылся под водой, произошло нечто удивительное.

Тончайшая, едва уловимая дымка начала подниматься с его кожи, окутывая его со всех сторон. Она была не слишком плотной, но работала как матовое стекло, размывая очертания тела и мельчайшие детали, делая его фигуру одновременно реальной и недостижимой, скрытой за пеленой.

Сердце, до этого трепетавшее в горле, наконец опустилось на место.

Сто тысяч очков... не зря потрачены. Этот фильтр дополненной реальности работает на славу.

Подражая позе Янь Бэйсюаня, он тоже оперся о край бассейна, оставив над водой лишь голову и плечи, и изо всех сил постарался сделать так, чтобы напряженная спина казалась расслабленной.

Янь Бэйсюань наконец повернулся. Он прислонился к бортику напротив, и пара черных, бездонных глаз пронзила толщу тумана, впившись в лицо Ци Цинцы. В его взгляде больше не было ледяного высокомерия — теперь в нем сквозило любопытство, словно кот смотрел на пойманную мышь, еще не решив, как с ней поступить.

— Генерал Ци, кажется, очень напряжен?

— Ваш подданный... просто не привык купаться с кем-то вместе. — Ци Цинцы опустил веки, прячась от взгляда, который, казалось, мог пронзить самую душу.

— О? — Янь Бэйсюань тихо рассмеялся, и от вибрации его груди по воде пошла легкая рябь. — Три года назад, после банкета в честь победы на Северной Границе, мы с тобой, сбросив верхнюю одежду, целую ночь пили вино, обнявшись с сосудами. Неужели одна болезнь заставила тебя забыть о той солдатской удали?

Опять это! Опять допрос с пристрастием о событиях прошлого!

Забыл, все забыл! Да я вообще потерял память, понятно? Не спрашивай больше, а то я прямо здесь притворюсь утопленником!

В голове Ци Цинцы завывала сирена, но вслух он был вынужден произнести заготовленную легенду:

— Прошу прощения, Ваше Величество. После той тяжелой болезни многое стерлось из памяти, остались лишь обрывки воспоминаний. Прошу Вашего снисхождения.

— Ничего страшного. — Янь Бэйсюань, казалось, не придавал этому значения. Он медленно зачерпнул ладонью воду и наблюдал, как она стекает сквозь его длинные пальцы. — Просто мне кажется, что сегодняшний генерал Ци сильно отличается от того, что остался в моих воспоминаниях.

Сердце Ци Цинцы пропустило удар.

— Ха-ха... — он неловко рассмеялся. — Не понимаю, что именно Вы имеете в виду?

— Прежний Ци Цинюэ, — насмешка в глазах Янь Бэйсюаня исчезла, уступив место

непроглядной тьме, — был вытащенным из ножен мечом. Острым, прямым, в глазах у которого был лишь враг перед ним.

Он замолчал и слегка подался вперед.

Это было едва заметное движение, но невидимая сила разогнала воду, и волны одна за другой, плавно и неспешно, докатились до груди Ци Цинцы.

— А ты сегодняшний...

Ци Цинцы перехватило дыхание. Голос Янь Бэйсюаня стал низким, и каждое слово, словно цепляясь крючком, отчетливо звучало в тумане:

— В Министерстве военного дела те гордецы и вояки подчиняются тебе. При дворе сановники тоже слушают тебя. Сейчас даже простой народ Столицы чуть ли не святилища тебе возводит.

Император вдруг улыбнулся, но эта улыбка была холоднее, чем если бы он вовсе не улыбался.

— Ты раскинул такую широкую сеть, не хочешь ли ты... поймать в нее и меня?

Вот черт! Он раскусил мою тактику манипуляции на рабочем месте?! Нет, нет, он не раскусил, он меня провоцирует! Спокойно, Ци Цинцы, спокойно! Ты теперь бог войны, а не менеджер проекта! Не смей отступать!

Ци Цинцы резко вскинул голову и прямо встретил взгляд Янь Бэйсюаня. Его глаза светились ясностью, в них читалось мастерски изображенное недоумение и умеренная невинность.

— Ваше Величество, я не понимаю Ваших слов. Все, что я делаю — ради Великого Янь, ради Вас. Если это и можно назвать сетью, то я готов этой сетью опутать весь мир, служить Вам верой и правдой до последнего вздоха.

Эти слова верности прозвучали твердо и внушительно.

Но Янь Бэйсюань лишь рассмеялся — в его смехе не было попытки скрыть насмешку и пронизательность человека, который знает все. Он, разумеется, услышал тот полный ярости крик в душе Ци Цинцы: Да пошел ты! Это ты хочешь поймать меня! Старый извращенец! Ты заглядываешься на мое тело, какой же ты низкий!

Маленький лжец, говорящий одно, а думающий другое.

— Хорошо сказано, — похвалил Янь Бэйсюань, снова пододвинувшись ближе.

Расстояние между ними сократилось до трех чи. Ци Цинцы отчетливо видел рельефные мышцы на его груди и чувствовал исходящий от него жар, который обжигал сильнее, чем вода в бассейне. Он даже уловил тот самый уникальный, резкий аромат драконьего благовония, который властно вторгнулся в его дыхание.

Опасность. Смертельная опасность.

Ци Цинцы инстинктивно подался назад, но спина наткнулась на холодную и твердую стену бассейна. Отступить было некуда.

Янь Бэйсюань понизил голос еще сильнее, слова едва касались ушной раковины — интимно, до мурашек, но каждое из них было подобно лезвию:

— Та шрам на твоём левом плече... который остался после того, как ты закрыл меня собой от удара. Я очень хорошо помню его: три цуня в длину, глубокий, до самой кости.

Говоря это, он поднял руку. Его пальцы, длинные и сильные, с выступающими суставами, прорезали густой пар. На кончике пальца дрожала капля воды. Медленно, с неодолимой властью, он потянулся к левому плечу Ци Цинцы.

— Дай-ка мне взглянуть.

— Твоя преданность... сегодня... все еще так же глубока, как прежде?

Мир вокруг Ци Цинцы в одно мгновение сузился до точки. Все звуки исчезли, остался лишь гул крови, ударившей в голову.

В прошлый раз Янь Бэйсюань только смотрел, а теперь хочет потрогать.

В описании Талисмана Тысячеликого Тумана было сказано только, что он выдерживает кратковременное прикосновение без злого умысла! Но разве то, что делает Янь Бэйсюань сейчас — без злого умысла? Он же явно проверяет товар!

Стоит его пальцам коснуться не глубокого шрама от меча, а пустого тумана и гладкой кожи...

Все кончено.

Рука приближалась.

А-а-а-а! Не трогай меня! Мои сто тысяч очков! Все мои сбережения, за которые я набрал долгов ради этого спасительного талисмана!

Его душа отчаянно кричала, но тело, скованное мощью императора, не могло пошевелиться.

Время, казалось, остановилось. Ци Цинцы был уверен, что слышит, как от ледяного ужаса стынет в жилах кровь.

<http://bllate.org/book/22366/2345385>